

УДК 94(47):281.93

С. В. Любичанковский**Христианское сектантство в Оренбургской губернии и борьба с ним Русской православной церкви во второй половине XIX — начале XX века**

В статье проанализированы способы и методы борьбы Русской православной церкви с христианскими сектантами на территории Оренбургской губернии во второй половине XIX — начале XX века. Установлены факторы, осложняющие реализацию данного процесса в регионе. Показана роль губернской администрации в осуществлении церковной политики.

Ключевые слова: христианство, сектантство, Оренбургская епархия, Русская православная церковь, пореформенная Россия.

Оренбургская губерния заселялась в течение двух столетий. Правительство стремилось обеспечить стабильность в регионе и инкорпорацию Южного Урала в состав империи посредством изменения соотношения численности этнических групп, поэтому оно переводило на вновь осваиваемые земли главным образом государственных крестьян православного вероисповедания. Однако наряду с этим всегда имела место и так называемая «беглая» колонизация. Среди беглых крестьян были и сектанты.

Проникновение христианства на Южный Урал, судя по историческим данным, началось уже с завоеванием Казани в 1552 г. и присоединением Башкирии в 1556 г. в результате движения русских на юго-восточную окраину России [12, с. 44]. Христианское сектантство в одной из самых ранних форм хлыстовщины, скопчества и т.д. в массовом виде появилось в Оренбургском крае со второй половины XIX в. Однако первые проявления борьбы гражданской и духовной власти с сектантством отмечались еще в первой половине XVIII в. и связаны с деятельностью казанского архиепископа Луки Конашевича. С его смертью эта деятельность была приостановлена вплоть до первой четверти XIX столетия. В 1813 г. Преосвященный Августин «приводит в известность» численность раскольников и сектантов в епархиях и предписывает повысить «пастырское попечительство» по отношению к ним. С 1830-х гг. на сектантство обращает внимание и гражданская власть. В 1840—1850-х гг. под руководством В. А. Перовского меры воздействия начинают усиливаться [13, с. 127]. В 1847 г. в Уфе учреждается Секретно-совещательный комитет, а в 1849 г. в целях противодействия сектантству и расколу открывается Златоустовский Воскресенский единоверческий монастырь [15, с. 393]. В 1854 г. в Челябинский уезд назначаются первые священники с целью миссионерской деятельности. В 1855—1856 гг. в учебную программу Уфимской духовной семинарии вводится преподавание раскола и сектантства [5, л. 50]. Однако сектантские течения продолжали усиливаться, особенно под влиянием постоянного переселения.

С отделением Оренбургской епархии от Оренбургско-Уфимской в 1859 г. в Оренбурге учредили самостоятельный Секретно-совещательный комитет, который просуществовал до 1865 г. [18, л. 2 об.]. В этот период деятельность против сектантов и раскольников вновь ослабевает. Ее возрождение начинается с деятельности Преосвященного Вениамина II, который ввел в 1882 г. в Оренбурге, а потом и во всей епархии так называемые «публичные беседы» с раскольниками и сектантами. С этой целью приглашали пермского священника Луканина и синодального миссионера о. Ксенофонта Крючкова, состоявшего священником при новооткрытой единоверческой церкви в г. Оренбурге. О. Ксенофонт

© Любичанковский С. В., 2015

посетил почти всю территорию Оренбургской епархии, в частности Челябинский уезд и Уральскую область [13, с. 132].

После Казанского собора иерархов, выработавшего разные меры против раскола и сектантства, в 1886 г. был поднят вопрос об учреждении в епархии специальных должностей окружных миссионеров. Они появились в Оренбургском (1887 г.), Челябинском (1891 г.) и Уральском (1894 г.) округах. В 1896 г. учреждена должность епархиального миссионера [1, с. 374]. В его обязанности входило наблюдение за прихожанами подотчетного ему прихода, выявление сектантов и их увещание, а также написание рапортов для Оренбургской духовной консистории о наличии сектантов в приходе, их количестве, роде деятельности, вере и т.д.

Разрозненные сведения не позволяют нам определить масштабы распространения сектантства. Так, согласно рапорту священника Александра Камшловского, датированному 22 февраля 1899 г., «секта в семействах православных казаков стала существовать с 1898 года, когда также были сборища хлыстов... в 4—5 домах казаков... об этих сборищах было донесено... начальству и в том же 1898 году. По распоряжению епархиального начальства приезжал... миссионер М. Г. Головкин для увещания заблудившихся в хлыстовской секте казаков и казачек, которых было налицо 12 человек...». Автор утверждает, что прихожане регулярно посещают церковные службы: «...Храм посещают... постоянно... и причащаются...» [8, л. 4]. Вместе с тем имели место отдельные случаи сборов в домах жителей для чтения церковных книг, ошибочно принимаемых за собрания сектантов, названия которым давались согласно именам владельцев домов: «...выполняя предписание ваше от 22 февраля 1898 года за № 97, мною полученное 2 марта, относительно сект «духовной куприяновской» и «плотской ефремовской» в с. Черепановке. В первый раз слышу и удивляюсь... у меня в приходах таких сект не было и нет, потому, быть может, что в дом Куприяна Ярцева собрались некоторые из прихожан из села Черепановки, где читали книги духовного содержания, и в доме Ефрема Трутникова также читают по праздникам и собирается большая часть прихожан» [8, л. 35—36].

Другой причиной распространения сектантства, по сведениям Оренбургской духовной консистории и полиции, являлось переселение крестьян из одного хутора в другой. Так, в 1886 г. рассматривалось дело о крестьянине Григории Загрибайлове, который обвинялся Оренбургской палатой уголовного и гражданского суда в распространении молоканства. В постановлении говорилось, что «оного минувшего года перешел из г. Оренбурга в хутор Донгуз крестьянин Саратовской губернии... Григорий Иванович Загрибайлов, который приверженец секты молокан, и теперь распространяет между православными хуторянами эту секту, в настоящее время из числа 9 семей хутора совратил 4-х...» [9, л. 17].

Часто сектантство распространялось насильственным путем среди родственников или знакомых: «...в ночь на 14-е февраля 1886 года крестьянин села Калинина Оренбургского уезда Федор Фистапьев и жена его Ольга стали неотступно склонять свою шестнадцатилетнюю дочь Анну к принятию скопческой ереси... несмотря на увещания и уговоры, дочь упорно отказывается от скопчества... стали уговаривать ее принять скопчество от привезенной ими из села Ново-Никитино крестьянской угодницы Ирины Астраханской, которая благодаря сектантству обладает даром пророчества, но и от этого Анна отказалась и узнала из тайного разговора с родителями, что над ней собираются совершить обряд...» [2, л. 102].

Чтобы избежать преследования Русской православной церкви, сектанты добровольно принимали христианство, посещали церковь и исполняли христианские обряды. Священники вверенных им приходов часто раскрывали подобные сектантские образования,

о чем докладывали в своих рапортах в Оренбургскую духовную консисторию. В частности, примером подобного может служить рапорт священника Городищенского прихода от 12 октября 1897 г., в котором тот обвиняет сектантов в следующем: «...Собрания ночью, а не днем... что за необходимость устраивать сходки в скрытых притонах, запираяться от взоров посторонних людей, если они истинные чада Св. Апостольской церкви и нелицемерные сыны своего отечества, то почему они собрания свои и деяния свои на них скрывают от духовенства и правительства, по какому праву они устраивают сборища без дозволения и контроля местных духовных и гражданских властей...» [4, л. 27]. Для того чтобы избежать преследований и мер наказания как со стороны Русской православной церкви, так и со стороны правительственных властей, сектанты старались не выступать против налоговых поборов и отбываний различных повинностей.

Указанный рапорт может служить доказательством наличия «хлыстов» в Оренбургской губернии в указанный период: «...не употребляя мяса, вина, табака, отвергая брачную жизнь, большинство из них удовлетворяет свои естественные половые потребности неестественным способом, заменяют супружеские отношения свальным грехом, богохульно называемым на их языке «христовой любовью»... на основании вышеизложенного... лица, застигнутые атаманом Городищенской станицы в доме городищенского казака, суть «хлысты» (они же люди Божьи и мнимодуховные христиане), если не в полном смысле этого слова, то, несомненно, прозелиты хлыстовской ереси со всеми вредными атрибутами гнусной хлыстовской секты и вредной для религии, государства, общества и нравственности» [4, л. 29].

Священники, получавшие сведения о сектантах, докладывали об этом властям, а также самостоятельно предпринимали действия для «вразумления» людей. Вместе с тем явно прослеживается стремление понять причины «заблуждений». Так, архивные материалы за 1897 г. по Городищенской станице указывают, что сектанты «ругали начальников», называя их «злыми волками», «кровожадными зверями», «антихристами» и т.д. [4, л. 41], это дает основания полагать, что чиновники или начальники иногда превышали свои полномочия, результатом чего и явилось такое негативное отношение со стороны населения.

Но несмотря на такую, казалось бы, отстраненность и недоверие по отношению к Церкви, многие новообращенные сектанты часто смешивали сектантскую и православную веру, призывая священников отслужить службу на их собраниях. То есть сектанты стремились привлечь в свои ряды других людей, а также сформировать собственную обрядность. Так, жители поселков Требияцкого и Фершампенуазского просили местного священника «...пожаловать к ним на место жертвоприношения с крестом и иконами отслужить молебен... и окропить святой водой все кушанье. Цель жертвоприношения в том, чтобы Господь дал им дождь и не обделял бы их градом...» [6, л. 15].

Усилия Русской православной церкви приводили к тому, что люди сами переходили в православие, отрекаясь от сектантских учений. В отдельные годы их численность доходила до 800 человек в год [17, с. 2]. Однако часто подобные переходы были лишь видимостью и возможностью скрыться от миссионерских преследований или удачно выйти замуж/жениться. Примером может служить дело, рассмотренное в Оренбургском уездном полицейском управлении за 1896 г.: «...Она три года тому назад по воле родителей вышла в замужество за мещанина гор. Новоузенска Михаила Фролова Иванова, принадлежащего ранее к секте молокан и только за месяц до бракосочетания с ней перешедшего в православие. За месяц до брака он... причащался... но вскоре после свадьбы он оставил исполнять обязанности православного христианина, не стал ходить в церковь, соблюдать посты и христианские обряды и, видимо, опять перешел в молоканскую секту, в которую старался совратить и ее» [7, л. 13].

Подобные «проповедники» не единожды отправлялись «в народ» с целью привлечь на свою сторону как можно большее количество людей, часто вступая в брак для создания «благоприятного образа» и имея несколько семей в разных селениях. Например, в следственном деле, рассмотренном в Оренбургском уездном полицейском управлении 18 сентября 1896 г., говорилось, что «муж ее, как она узнала, имеет жену в г. Новоузенске и от нее ребенка и незадолго до брака с ней имеет жену и от нее двух дочерей в г. Илецкая Защита...» [7, с. 17].

Другим способом скрыть сектантскую деятельность было учреждение разнообразных обществ, собрания которых были закрытыми и чья деятельность не подвергалась сомнению. В частности, в рапорте священника Николая Балалаева, направленном епископу Оренбургскому и Уральскому, говорилось, что «члены общества трезвости принадлежат к толстовщине. Факты, на которые сослался священник общества о. Рыев подтвердились, но только показаниями тех людей, со слов которых он писал заявление. Дьякон Шаронов действительно показал, что ему предлагают евангелие Толстого. Минтьев заявил, что Чалусов действительно член общества, что он с сомнением отнесся к изображению сошествия Иисуса Христа в ад. Из документов церкви видно, что члены общества не были у Св. Причастия за время служения в Лбищенском приходе о. Рыева... Тем не менее ничто из этого не говорит за то, что члены общества трезвости с. Лбищево принадлежат к толстовщине. Говоря по справедливости, не только дьякон Шаронов, [но и] сам о. Владимир едва ли могут правильно определить сущность учения Толстого. Возможная вещь, что члены общества услышали о Толстом, несколько ознакомились с его произведениями даже нецензурными, однако и это нисколько не доказывает о принадлежности всего общества к толстовщине. Я говорю, возможная вещь, что члены общества почитали про себя сочинения Толстого, а как только увидели, что за ними стоит, что от него получаются плохие последствия, и перестали его читать, по крайней мере ни в чем не видно пропаганды и жители доселе не понимают, что такое толстовщина; признаться, по складу своему и недалекому умственному развитию они не в силах переварить учение Толстого...» [3, л. 26—27].

Однако при всех подобных усилиях общее количество сектантов в Оренбургской губернии не уменьшалось и очень часто наблюдалась картина его распространения. В частности, из Херсонской губернии переселялось много молокан [19, с. 341].

17 апреля 1905 г. под влиянием развития демократического процесса в Российской империи в царствование Николая II правительство издало указ «Об укреплении начал веротерпимости», который существенно изменил правовой статус «инославных» и «иноверных» исповеданий, в том числе и в Оренбургской губернии. Этим указом значительно расширены права сектантских общин, не носивших «изуверского характера». Почти во всех отношениях, в частности во владении имуществом, в праве на сооружение молитвенных домов, на устройство скитов, обителей, в праве печатать богослужебные книги, преподавать своим детям «Закон Божий», вести метрические книги, они были уравнианы с православной церковью. Отменялись прежние ограничения для сектантов в поступлении их на государственную службу. Однако сектантское духовенство не получило права на официально признанное употребление духовных званий и титулов, каким пользовалось армяно-григорианское, армяно-католическое, лютеранское и реформаторское духовенство [11, с. 59].

Указом были внесены существенные изменения в легальный порядок перемены религии. Сняты прежние запреты и ограничения на переход из одного признанного государством христианского исповедания в другое [16, с. 47]. В документе не говорилось о возможности присоединения «иноверцев» к одной из неправославных христианских

общин, но на практике после издания указа такие переходы не встречали никаких препятствий со стороны государственных инстанций Оренбургской губернии [10, с. 372—375; 14, с. 105]. Было легализовано возвращение «новообращенного православного» или «инославного» христианина по его желанию в его прошлое вероисповедание. Была предоставлена относительная свобода в выборе религии.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX века деятельность Русской православной церкви в Оренбургской епархии была направлена на выявление сектантов и «возвращение их в лоно церкви» через разъяснения и просвещение. Если усилия Церкви не приводили к желаемым результатам, то принимались более жесткие меры с привлечением оренбургской губернской администрации и полиции. В результате в регионе поддерживался устойчивый процесс формального перехода в православие при тайном соблюдении прежних обрядов. Фактором, затруднявшим работу православной церкви с сектантами на территории Оренбургской губернии, являлся ее статус территории, массово принимавшей переселенцев, среди которых сектанты были представлены в большом количестве.

Список использованных источников и литературы

1. Апкаримова Е. Ю. Православные братства на Южном Урале в конце XIX — начале XX в. // Уральские Бирюковские чтения : сб. науч. ст. Челябинск : Изд-во ЧелГПУ, 2004. Вып. 2. Из истории Южного Урала и российских регионов. С. 373—376.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 5. Д. 8750.
3. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8769.
4. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8770.
5. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9002.
6. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9065.
7. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9091.
8. ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5524.
9. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9093.
10. Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII — первая четверть XX века) / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург : Агентство «Пресса», 2014. 433 с.
11. Дорская А. А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб. : Нестор, 2001. 220 с.
12. Ефименко М. Н. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Оренбургской губернии (XVIII—XIX века) // Влияние христианских традиций на культурную жизнь Оренбургского края : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 2000-летию христианства. Оренбург, 1999. С. 43—45.
13. Камзина А. Д. Старообрядчество как объект миссионерской деятельности Русской православной церкви в Оренбургской епархии (1859—1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004. 193 с.
14. Любичанковский С. В. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность / под ред. А. Е. Загребина, С. В. Любичанковского. Екатеринбург ; Ижевск : Изд-во УрО РАН, 2010. 496 с.
15. Любичанковский С. В. Развитие православных монастырей в Оренбургском крае в контексте пореформенной модернизации // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16, № 3. С. 392—396.
16. Николаев Э. А. Культурно-исторические трансформации православия и ислама в общественном дискурсе России : дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 498 с.
17. Оренбургские епархиальные ведомости. 1898. № 9.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. Оп. 2. Д. 2237.
19. Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 1. Оренбург : Тип. Оренбургской духов. консистории, 1900. 450 с.

Поступила в редакцию 12.07.2015 г.

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru

УДК 94(47):281.93

S. V. Lyubichankovskiy

Christian sectarianism in the Orenburg province and fight of Russian Orthodox Church against it in the second half of XIX — the beginning of the XX century

This article analyzes the ways and methods of fight of Russian Orthodox Church against Christian sectarians in the territory of the Orenburg province in the second half of XIX — the beginning of the XX century. The factors complicating realization of this process in the region are established. The role of provincial administration in the implementation of church policy is shown.

Key words: Christianity, sectarianism, Orenburg diocese, Russian Orthodox Church, post-reform Russia.

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru